

Китайские народные сказки

Портрет девушки из дворца

Есть в горах Ишань два места. Одно зовется Цзюлункоу — ущелье Девяти драконов, другое — Цилункоу — ущелье Семи драконов. Так вот, около ущелья Девяти драконов стояла маленькая деревушка, и жила в той деревушке старуха со своим единственным сыном, по прозвищу Тянь-тай. Девяти лет от роду уже умел Тянь-тай барсуков в горах ловить, двенадцати лет не страшился из волчьих нор волчат таскать. Пригожим да статным уродился юноша, никто с ним не сравнится. Лицо доброе, глядит весело, силен, смекалист, ростом высок. Уйдет спозаранку за хворостом в горы, вечером домой воротится. На высокие горы взбирается, с круч крутых спускается, через бурные реки переправляется, узкими тропинками-ниточками пробирается.

И вот однажды осенью в самый сезон дождей несколько дней кряду ливень лил, а у Тянь-тая в доме, как говорится, ни хворостинки не найдешь, ни зернышка риса не сыщешь. Ждали, ждали, пока дождь перестанет, ведро настанет, да ждать устали. Взял юноша веревку, коромысло, топор прихватил и отправился в горы хворост рубить. А топор у юноши, сказать про то надобно, супротив обычного вчетверо тяжелее был, кузнец нарочно таким его выковал. Перешел Тянь-тай через горное ущелье, вода там бурлит — гром громыхает, взобрался на склон, дождевой водой умытый, прошел по тропинке-ниточке и наконец до лесистого места добрался. Только успел он немного хвороста нарубить, ветер дождь пригнал. Как хлынет дождь — аж камни с горы вниз посыпались, загудело вокруг, зашумело. Дождлся юноша, пока дождь перейдет, залез на дерево, на самую макушку, огляделся — все ущелье водой наполнилось, реки из берегов вышли.

Посмотрел юноша в ту сторону, где его деревушка стояла, и думает: «Мать, наверно, к воротам вышла, тревожится, может, унес меня бурный поток, ждет не дождется». Взяла юношу досада, так бы, кажется, и полетел сейчас домой! Только не управиться ему с горным потоком — свиреп очень! Думал юноша, думал и нечаянно топор из рук выронил. Дзинь! — упал топор на большой черный камень. Хотел юноша его поднять, наклонился. Ай-я! Камень шелохнулся, и вдруг откуда ни возьмись старуха появилась. Спрашивает старуха громким голосом:

— Кто ко мне в дверь стучался? Кто ко мне в дверь стучался? Кто ко мне в дверь стучался?

Два раза ничего не ответил юноша, а на третий расхрабрился, слез с дерева и отвечает:

— Я к тебе стучался!

А старуха опять его спрашивает:

— Что же тебе надобно, зачем стучался?

Решил юноша рассказать старухе все, как есть, и говорит:

— Ты, добрая женщина, видать, не знаешь, что я каждый день хожу за хворостом, каждый день с круч крутых спускаюсь, на горы высокие взбираюсь, тяжело мне, да не про то речь. Нынче все вокруг водой залило, как мне домой воротиться? Там меня мать дожидается одна-одинешенька. Надобно мне хворост продать да рису купить, а то нечего в котел положить.

Выслушала его старуха, поднялась с тростниковой циновки, дала ее Тянь-таю и говорит:

— Стоит сесть на эту циновку и подумать, где тебе сейчас хочется быть, мигом там очутишься.

Сказала так старуха и исчезла. А камень шелохнулся и на прежнее место встал.

Сел Тянь-тай на циновку и только подумал: «Хорошо бы сперва в воздух подняться», — как циновка медленно, плавно стала вверх подниматься. Захотел Тянь-тай на землю спуститься — циновка тихонько на землю спустилась.

Взвалил Тянь-тай на плечо коромысло с хворостом, сел на циновку и быстрее ветра помчался домой. Раньше, бывало, он за день всего раз принесет хворост, и то затемно воротится. А нынче летает себе и летает на циновке, раза четыре, а то и пять успевает с хворостом обернуться.

Вскорости у него дома собралась целая куча хворосту, выменял он его на зерно — не на один день хватит. И сказал тогда Тянь-тай матери:

— Вырос я, матушка, взрослым стал, а дальше чем за сто ли от дому нигде не бывал. Есть у тебя

теперь и еда и одежда, дозвожь мне по свету побродить, миром полюбоваться.

— Куда же, сынок, хочешь ты отправиться?

Подумал Тянь-тай, подумал и говорит:

— Слышал я, что в столице люду разного много да чудес всяких, вот и хочу туда отправиться поглядеть.

Говорит мать сыну:

— В столице сам император живет, смотри, сынок, будь осторожен, быстрее иди да поскорей возвращайся.

Пообещал Тянь-тай матери сделать все, как она велит, сел на циновку и взмыл в небо — ни ветром его не обдувает, ни пылью не засыпает. Не успел опомниться, как в столичном городе очутился.

Глянул вниз — стены рядами высятся, к стенам красивые восьмиугольные башни пристроены, на улицах да в переулках народу видимо-невидимо. А в Запретном городе каких только нет дворцов и павильонов, так и играют всеми цветами, так и переливаются. Деревья — изумруд зеленый, меж деревьев пагоды белеют, на голубой воде лодочки покачиваются. Поглядел на все это Тянь-тай, с неба вниз спустился. Походил по широким улицам, подивился на разные чудеса, которых отроду не видел, и захотелось ему в Запретный город пробраться, так захотелось, что не совладать ему с собой, — уж очень там красиво! Дождался Тянь-тай, пока лавки да харчевни закроют, а барабаны третью стражу отобьют, сел на волшебную циновку и прилетел в Запретный город. А там пейзажей дивных — рассказывать начнешь — не кончишь, сокровищ драгоценных — не сочтешь. В пруду лотосы растут, под карнизами круглые красные фонари повешаны, на нефритовых перилах драконы вырезаны — клыки страшные, когти острые. Стены все изукрашены не картиной, так рисунком, не рельефом, так резьбой или узором.

Прошел Тянь-тай тихонечко мимо львов — львы выше его ростом, из бронзы сделаны, пробрался через туннель — туннель в искусственной горе пробит, змеєю вьется. Вдруг смотрит юноша: среди деревьев да цветов дворцовый павильон стоит. Крыша на два ската зеленой черепицей выложена, колонны красные, окна узорчатые. Огляделся Тянь-тай — вокруг ни души, — на нефритовое крыльцо поднялся. Уж очень ему хотелось получше разглядеть карниз, разрисованный цветами и травами, потрогать круглые колонны, лаком крытые. А пуще того хотелось внутрь заглянуть, в хоромы да покои. Налюбовался юноша цветами, на травы насмотрелся, потрогал круглые колонны. После подошел к резному оконцу, тихонько оторвал шелк, наклеенный на рамы, заглянул внутрь — темным-темно, хоть глаз выколи. Только хотел он назад податься, вдруг слышит: хуа-ла-ла — зашуршало что-то, вся комната разноцветными лучами заиграла, заискрилась. Увидел юноша в той комнате башенку, из слоновой кости вырезанную, бамбук, из золота сделанный, а рядом с бамбуком красавицу. У красавицы на запястьях золотые браслеты — от них золотые дорожки бегут, в волосах серебряные цветы, от них серебряные дорожки во все стороны расходятся. В ушах серьги из красного камня драгоценного, на плечах накидка разноцветная. Тонкая талия шелковым поясом перехвачена, юбка длинная чуть не до пят спускается, по наруганным щекам слезы-жемчужинки катятся. Жалко стало Тянь-таю девицу. За что ее, такую нежную да слабую, наказали? За что темной ночью в доме пустом заперли? Ни кана здесь нет, чтобы лечь, ни циновки, чтоб сесть, ни одеяла, чтоб укрыться! Пока юноша думал, шелковый пояс вдруг поплыл в воздухе — стала девица к юноше приближаться. Вздрыгнул юноша, хотел убежать, но тут раздался нежный девичий голос:

— Вэй, куда же ты уходишь? Погоди! Я должна тебе что-то сказать!

Тянь-тай невольно остановился и услышал, как девица промолвила:

— Давным-давно заперли меня во дворце и держат в неволе, с родным человеком свидеться не дают. Утро вечер сменяет, лето — зиму, а моя печаль не проходит. Вызволи меня, добрый юноша!

Не мог юноша зла такого стерпеть, согласился. Да вот беда — не знает он, как девушку спасти. Со всех четырех сторон стража да ночной караул, рамы на окне крепкие, двери толстые. Молчит юноша, а сам не уходит.

Говорит ему девушка:

— Стоит тебе только вынести отсюда картину, на которой дворцовая девица нарисована, и я спасена.

Хотел было юноша спросить, где та картина находится, только вдруг за спиной у него шаги послышались, в комнате опять темно стало, а девушка исчезла. Растревожился Тянь-тай, да делать нечего, сел он на свою циновку, поднялся на небо. Смотрит — скоро светать начнет. Пора домой возвращаться. Только подумал об этом юноша, как циновка его мигом домой отвезла.

Воротился Тянь-тай домой, обо всем матери рассказал, сел на циновку и отправился в горы Ишань. Залез на дерево, на самую макушку, уронил топор на черный камень. Шевельнулся камень, с места сдвинулся, и увидел юноша ту самую старую старуху:

Спрашивает старуха:

— Кто ко мне в дверь стучался?

Не стал Тянь-тай дожидаться, пока старуха его второй раз спросит, соскочил с дерева и отвечает:

— Я к тебе в дверь стучался.

— Волшебную циновку ты уже от меня получил. Чего же еще тебе надобно?

— Не гневайся, матушка-волшебница! Выслушай, что я скажу! Везде в Поднебесной зеленеет трава, алеют цветы, везде есть обездоленные, им неведомы ни покой, ни радость. Благодаря тебе я не страдаю от голода, избавился от непосильной работы. Сама подумай, могу ли я покинуть в беде несчастную девушку? Скажи, может, знаешь ты, где хранится картина, на которой нарисована девушка из дворца?

Выслушала его волшебница, перестала гневаться и говорит ласково:

— Сердце у тебя, юноша, доброе, речи твои справедливые. Везде в Поднебесной зеленеет трава, расцветают цветы, везде люди должны жить счастливо. Я согласна тебе помочь, сынок. А сейчас выслушай, что я скажу. Коли хочешь спасти ту девушку, отправляйся в горы Мэншань, отыщи Байдисяня — бессмертного духа Белой земли. Только помни: отыскать его нелегко. Как увидишь тростник высотой в три чжана, ухватись за него, дерни посильнее, сразу в ворота войдешь. Коли бессмертный спать будет, не жди, пока он проснется, он каждый раз сто двадцать лет спит. Кричи — не разбудишь, трясси — не проснется. Пойдешь к реке Красные пески, найдешь там матушку Черную рыбу, попроси у нее иглу волшебную.

Сказала так старуха и исчезла, а камень шелохнулся и на прежнее место встал.

Послушался Тянь-тай добрую волшебницу, сел на циновку, помчался к горе Мэншань. А возле той горы хребтов видимо-невидимо, вершин высоких да ущелий глубоких не счесть. На склонах каких только деревьев нет, вся земля цветами да травой заросла. Кручи крутые и те цветами усеяны, Золотыми да серебряными, вокруг дивный аромат разливается. Идет Тянь-тай, согнулся в три погибели, по берегам рек да речушек ищет, идет, головы не поднимает, по роцам да лесам рыщет. Обошел он все горные вершины, на те вершины и не заберешься, облазил все горные ущелья, над теми ущельями деревья густо переплелись, неба сквозь них не видать.

И пришел наконец юноша к отвесной круче, баран и то на ней не устоит. Смотрит: на той круче тростник высотой в три чжана растет. Ухватился за него юноша, выдернул и в тот же миг увидел дорогу. Пошел юноша по той дороге в самую глубь горы. Шел, шел и пришел к каменному дому, просторному да высокому. Внутри вошел, смотрит: кан стоит, из камня сделанный, стол каменный, подушки и те каменные. Лежит на кане каменном старец бессмертный, ростом, почитай, в целый чжан будет, под головой у него подушка каменная. Спит старец, храпит — гром в небе гремит.

Подошел Тянь-тай поближе, смотрит: глаза у великана крепко-накрепко закрыты, по всему видать — сладко спит. Взял его юноша за руку, стал трясти. Рука, самое малое, тысячу цзиней весит, двумя руками и то не поднять. Ткнул юноша в бессмертного пальцем — плоть у него тверже камня. Постоял Тянь-тай, подумал, делать нечего, повернулся и ушел. Сел он на свою циновку и отправился искать реку Красные пески.

Летит по небу Тянь-тай — облако белое, четыре реки перелетел: одну кривую, другую прямую, третью желтую, четвертую зеленую, еще одну кривую, еще одну прямую. Мчится он над горными реками — вода мелкая, пена белая. Мчится он над бурными реками, ходят по ним волны — рыбы чешуйки. Девяносто девять рек Тянь-тай облетел, тысячу раз по девятьсот девяносто девять верст пролетел и однажды утром увидел реку — вода в ней чистая, прозрачная, посмотришь — дно видно. Опустился юноша на берег, на берегу красный песок блестит, от него и вода красной сделалась. В реке видимо-невидимо черных рыб плавают взад-вперед, взад-вперед — челночки снуют. Думает юноша: «Не иначе как это и есть та самая река, которая «Красные пески» зовется. Но как тут отыскать матушку Черную рыбу?» Стал юноша ходить по берегу, думал, думал и наконец придумал. Пошел он в деревню сети просить рыбу ловить. Услышали это люди и давай его отговаривать:

— Не ищи ты, юноша, своей смерти, не ходи черных рыб ловить, у них матушка сама Черная рыба. Пусть лучше наши сети без дела сгниют.

Услыхал это Тянь-тай, и тревога его одолела. Стоял он, стоял, думал, думал, потом взял сети и пошел к реке. Встал Тянь-тай на волшебную циновку, забросил сети в реку и начал их потихоньку тянуть. Попалась в сети тьма-тьмущая черных рыбешек, бьются, друг через дружку перепрыгивают. Не успел юноша оглянуться, а река забурилась, закружилась. Ветер завыл: у-у, обрушил на Тянь-тая лавину воды. Видит юноша — плохо дело, да как закричит:

— Лети!

Вмиг циновка в воздух поднялась. А вода кружится и тоже поднимается выше да выше. Ухватился юноша за сети, крепко держит их обеими руками, а сам кричит:

— Лети, лети, на ветру свисти!

На сто чжанов вверх поднялась циновка, а вода ее догоняет, на девяносто девять чжанов в воздух столбом взметнулась. Выше самой высокой горы поднялся Тянь-тай, тут ветер стих, вода в берега опять вошла. Глядит Тянь-тай вниз, видит — черная рыба в золотом уборе на воде стоит, никак сама матушка, голову задрала и кричит:

— Эй, юноша! Взял ты надо мной верх! Отпусти моих деток и проси, чего хочешь!

Только подумал юноша, что надобно на землю спуститься, а циновка уже тихонько вниз полетела, до макушки дерева долетела, остановилась.

Говорит матушке Черной рыбе юноша:

— Не надобно мне золота, не надобно серебра, лучше дай мне иглу волшебную да скажи, как той иглой бессмертного с горы Мэншань разбудить.

Согласилась матушка и говорит:

— Коли хочешь разбудить бессмертного с горы Мэншань, возьми иглу, кольни его разок — мигом проснется. Только прежде отправляйся в верховье реки, в бухту Старого дракона к тетке Туаньданян. Она у меня нынче украла волшебную иглу, как раз, когда вода из берегов вышла. Но этой беде помочь можно. Дам я тебе ложку-уховертку, вычерпаешь из бухты всю воду, игла и отыщется.

Сказала так матушка Черная рыба, вытащила из уха белую блестящую ложку, бросила юноше. А Тянь-тай выпустил из сети ее деток — черных рыбешек. Забрала их матушка и вместе с ними под воду ушла. Пришел Тянь-тай в деревню, отдал хозяину сети, сел на циновку и полетел. Летит и

вниз смотрит, на реку. А река змеей вьется, то вправо повернет, то влево, то влево, то вправо. Вдруг смотрит юноша: гора перед ним невысокая появилась, вся красная, красными камнями усыпанная, а на той горе зеленые сосны растут. Красота такая, что и описать невозможно. «Так вот откуда река Красные пески течет». Подумал так юноша, заметил в ущелье заводь — изумруд зеленый, опустил на землю, сунул в воду ложку-уховертку, зачерпнул разок — воды в заводи сразу на половину убавилось. Тянь-тай опять ложкой зачерпнул — того и гляди, до самого дна заводь осушит. А на дне нет ничего, только огромные черепахи ползают. Самая большая несколько сот цзиней*, почитай, весит. Втянула она голову в панцирь и женщиной с черным лицом обернулась. Говорит ей юноша:

— Живо отдавай волшебную иглу, которую ты украла, не то я всю воду из твоей заводи вычерпаю. Поглядела черепаха на Тянь-тая сердито, да делать нечего, отдала волшебную иглу. Взял юноша иглу в руки, она толщиной всего в два пальца, а тяжелая — насилу поднимешь.

Взял Тянь-тай волшебную иглу, сел на циновку и полетел к горе Мэншань. Прилетел, ухватился за тростник в три чжана высотой, дернул его с силой, в тот же миг дорога перед ним открылась. Пришел он той дорогой к бессмертному, а тот как спал на кане каменном, так и спит, храпит — гром в небе гремит. Вытащил юноша иглу, кольнул легонько бессмертного в руку, а старец повернулся, сел да как закричит:

— Кто это укусил меня?

Отвечает ему юноша:

— Не кусал я тебя, добрый старец, разбудил, чтобы ты в одном добром деле мне помог.

Расхохотался тут бессмертный и говорит:

— Не иначе как Ишаньская старуха про меня тебе сказала. Ладно! Что за дело у тебя?

Выкладывает!

Отвечает ему юноша:

— Об одном прошу! Помоги мне из императорских покоев картину раздобыть, на которой дворцовая девица нарисована.

Хлопнул тут бессмертный рукой по камню и говорит:

— Ничего в том мудреного нет, охотно помогу тебе, но знай, ни одного дела я до конца не довожу. А сейчас мне пора, скоро ночь на дворе. Ложись на мою подушку да спи. Во сне и увидишь, что я делать буду.

Сказал так бессмертный да как толкнет юношу! Свалился Тянь-тай на кан каменный, на каменное изголовье голову уронил и захрапел.

Привиделись юноше во сне разные чудеса. Увидел он, как старец-великан из стороны в сторону качнулся, белой кошечкой обернулся. Помчалась-полетела кошечка в столичный город, перепрыгнула через красную стену. О ту пору уже вторую стражу отбили. Юркнула кошечка в императорские покои. Государь с государыней спят за царским пологом, расшитым золотыми драконами, а служанки возле полога стоят, ноги ломит, глаза закрываются, а они ни присесть, ни вздремнуть не смеют. Белая кошечка меж тем императрицын пояс стащила, нефритом отделанный, тихонечко так, без шума, как говорится: ни добрые духи про то не узнали, ни злые черти не проведали. Схватила кошечка пояс в зубы, перескочила через одну дворцовую стену, через другую перемахнула, побежала прочь из города, нашла высохший колодец и пояс нефритовый в него бросила. Растревожился тут Тянь-тай, закричал и проснулся. А старец-великан уже рядом стоит. Вскочил юноша, тут бессмертный зевнул во весь свой огромный рот и говорит:

— Ну вот, парень, чем мог, тем помог, а теперь сам соображай, что дальше делать, я сейчас спать лягу, а ты скорее в столицу ступай!

Соскочил Тянь-тай с каменного кана, а старец улегся, положил голову на каменную подушку и

захрапел. Храпит — гром в небе гремит.

Только рассвело, сел Тянь-тай на волшебную циновку и полетел в столицу. Солнце уже на три шеста поднялось, когда государыня с постели изволила встать, начала причесываться, умываться да одеваться. Хочет платье надеть — нефритового пояса найти не может. У императрицы одним поясом меньше стало, а что тут поднялось, какой шум да крик! Как говорится, небо растревожили, землю с места сдвинули. Уж и не знаю, сколько народу снарядили тот пояс искать! Сколько народу из-за него безвинно пострадало! Где только ни искали, никак найти не могли. Издал тогда государь указ, и немедля на всех больших улицах, в каждом малом переулке тот указ на досках развесили. На нем черной тушью написано: «Кто найдет нефритовый пояс императрицы, чин получит, коли пожелает чиновником стать. Потребует золото да серебро — золото да серебро получит».

Увидел Тянь-тай доску государеву, подошел и сорвал ее. Окружили юношу чиновники, которые за доской присматривали, отвели к императору. Набрался Тянь-тай храбрости и говорит:

— Издавна снятся мне сны вещие. Вот и вчера привиделось, будто какой-то человек нефритовый пояс государыни в высокий колодец за городом бросил.

Сказал так юноша и повел всех чиновников да полководцев за городскую стену к высохшему колодцу. Полез в колодец какой-то человек и сразу нашел пояс.

Спрашивает император юношу:

— Чин тебе пожаловать или денег хочешь?

Отвечает ему Тянь-тай:

— Ни чина мне не надобно, ни денег. Слыхал я, что во дворце есть картина, на которой дворцовая девица нарисована. Отдай ее мне!

Обрадовался государь: картина не сокровище, не из золота — из бумаги сделана.

Он тотчас же велел принести картину и отдал юноше, даже не поглядел.

Взял Тянь-тай картину, вышел из города, сел на циновку и вмиг дома очутился, в своей тростниковой хижине, на три части разгороженной. Развернул юноша картину, а на картине та самая девица нарисована, которую он тогда ночью во дворце видел. Глядит юноша на картину, о бедной девушке думает. Вдруг девушка сошла с картина, рядом села. На запястьях золотые браслеты, от них золотые дорожки бегут, в волосах серебряные цветы, от них во все стороны серебряные дорожки расходятся. Повеселела девушка, разрумянилась, еще краше стала. Не побрезговала она бедностью и, как была в золотых браслетах, стала помогать матери Тянь-тая стирать. Вскорости девушка из дворца и Тянь-тай поженились и весь век в горах Ишань прожили.

* Цзинь — мера веса, около 0,6 кг.